

А. Г. ВАСИЛЬЕВ

«ФАНТОМНОЕ ТЕЛО» КРАКОВСКОЙ ШКОЛЫ»

Размышляя над книгой молодого польского исследователя Яна Сова «Фантомное тело короля. Периферийные столкновения с современной формой», посвященной классической для польской историографии теме – причинам разделов Речи Посполитой в XVIII в., автор отмечает, с одной стороны, принадлежность ее «краковской традиции», а с другой – новаторский «постдисциплинарный» характер с опорой на современные теоретико-методологические подходы.

Ключевые слова: Речь Посполитая, разделы, мир-системный анализ, теория постколониализма, *longue durée*.

Одним из наиболее значительных событий польской интеллектуальной жизни последних лет стал выход книги молодого краковского исследователя Яна Сова «Фантомное тело короля. Периферийные столкновения с современной формой»¹. Книга была оценена польской научной критикой как новаторская. Отмечалось, что она дает настолько ясный и целостный взгляд на польскую историю на протяжении нескольких веков, что могла бы служить прекрасным учебным текстом.

Профессиональная подготовка автора и характер книги отражают современное состояние поля социально-гуманитарного знания с присущим ему размыванием традиционных дисциплинарных границ. Ян Сова (1976 г.р.) изучал польскую филологию, психологию и философию в Ягеллонском университете и в Университете Париж-VIII (Сен-Дени). Доктор социологии, он работает на кафедре современной культуры Ягеллонского университета, применяя для изучения проблем польской истории такие подходы и такой понятийный аппарат, которые до сих пор почти не использовались «профессиональными историками» (лакановский психоанализ в интерпретации С. Жижека, постколониальные исследования, мир-системный анализ, политическая теология Э. Канторовича, онтология события Алена Бадью, теория зависимости и др.).

Ревнителям чистоты границ наук, которые все еще довольно часто встречаются в научных сообществах стран периферийных по отношению к основным направлениям развития современной научной мысли Европы и Америки, Ян Сова говорит, что «разделение знания на дисциплины»

¹ Sowa, Jan. *Fantomowe ciało króla. Pereferyjne zmagania z nowoczesną formą*. Kraków. Universitas. 2011. 572 s.

плины возникло как институционализированный артефакт, проистекающий из способа организации такого предприятия, каким является наука. Границы дисциплин не отражают никаких объективных делений явлений, существующих в мире, на экономические, общественные, психологические и т.д. ... В связи с этим я стараюсь также последовательно избегать определения «интердисциплинарный», которое под прикрытием методологической прогрессивности *de facto* скрывает защиту существующих дисциплин. Никакая интердисциплинарность не могла бы существовать, если бы одновременно не существовали сами дисциплины. Намного ближе были бы для меня такие определения, как *унидисциплинарность* или *постдисциплинарность*» (S.30).

Думаю, что сказанное здесь актуально и для отечественной науки. Очевидно, что в отечественной исторической науке давно назрел переход к анализу в первую очередь российской истории с позиций современных методологических подходов, которые давно уже не приписаны в мировой науке ни к какой конкретной «дисциплине». Возможным же это, по моему мнению, станет лишь тогда, когда в российском гуманитарном сообществе в полной мере (и в первую очередь молодыми исследователями) будет осознан нестерпимый анахронизм и провинциализм все еще популярных у нас дискуссий о «границах» научных дисциплин, «заимствовании» методов и подходов, о том, чем же «на самом деле» отличаются историческая культурология от истории культуры, социология культуры от социальной культурологии и т.п., о том, позволительно ли «профессиональному» историку (социологу, филологу и т.д.) использовать «чужие» термины и концепции и т.п. Словом, тогда, когда логика ВАКовских классификаторов специальностей (которые сами давно являются памятником истории науки) перестанет влиять (в первую очередь на уровне ментальности научного сообщества) на логику развития научных исследований.

Книга посвящена классической и ключевой для польской историографии и историософии теме – причинам разделов Речи Посполитой. Этот сюжет был и остается системообразующим как для всех теоретических построений в области польской истории на протяжении последних двух столетий, так и для формирования всех концепций польской национальной идентичности в общественно-политическом дискурсе. В российской историографии аналогичной является тема петровских реформ, в перспективе которых так или иначе рассматривается история Россия и вокруг оценки которых концентрируются все споры о «русской идее».

Точно характеризовал значение таких исторических периодов выдающийся российский историк, один из лучших знатоков польской ис-

торической науки своего времени, Н.И. Кареев: «катастрофа, случившаяся с Речью Посполитой, принадлежит к числу событий, проводящих резкую грань между периодами в историческом бытии народа. Бывают в жизни наций и государств эпохи крутого перелома, когда в сравнительно короткий промежуток времени сразу изменяются самые существенные условия культурно-социальной жизни, когда всему предыдущему подводятся итоги и начинается совершенно новая жизнь. Обыкновенно такие эпохи кризиса... делаются своего рода центрами историко-философского мышления: всё предыдущее развитие рассматривается с точки зрения процесса, приведшего к этому перелому, и из его сущности объясняются главнейшие явления последующей эволюции, так что от того или иного отношения к такой эпохе зависит в своих основах весь философский взгляд почти на всё целое национальной истории»².

Польская профессиональная историческая наука складывалась на протяжении «долгого XIX века», в период утраты государственности. Этот факт наложил на её специфику неизгладимый отпечаток. Причем, вне зависимости от проблематики и периода, разделы Польши составляли для них своеобразную общую перспективу смыслообразования. Для национального самосознания существенно важно было понять, были ли разделы закономерной расплатой за внутренние несовершенства социально-политического устройства, экономическую отсталость, консерватизм элит, манию национального величия и потерю ощущения реальности, или же разделы были свидетельством того, что польское общество передило в своем развитии весь окружающий мир и, как следствие, просто не могло выжить в столь варварском окружении.

Таким образом, события разделов могли быть положены в основу фабулы как «пессимистической», так и «оптимистической» трагедий. «Польские историки, – пишет ведущий британский полонист Н. Дэвис, – были заняты в первую очередь историей разделов. Падение старой Польши, его причины и последствия, остаются и до сегодняшнего дня главной страстью польской историографии. ...Пророки гибели и продавцы надежды составляют здесь прекрасную пару»³.

«Продавцы надежды», «оптимисты» были представлены в первую очередь сторонниками «концепции Лелевеля-Мицкевича». Выдающийся польский историк-романтик Иоахим Лелевель и поэт-романтик Адам Мицкевич нарисовали проникнутую трагическим героизмом картину польской истории. Польша с древнейших времен была носителем

² Кареев. 1888. С. 2.

³ Davies. 2001. P. 176.

духа Свободы и опередила в его развитии весь мир. Напуганные тираны убили прекрасную Польшу, которая угрожала им самим фактом своего существования и силой нравственного примера. Однако, подобно Христу, Польша воскреснет и освободит себя вместе со всем остальным человечеством. От возрождения и освобождения Польши поэтому зависит судьба человечества. В этой мессианско-миссианской перспективе главной причиной гибели Польши считались происки внешних врагов в союзе с внутренними предателями. Коренные органические пороки, приведшие к фатальным последствиям, внутри самого польского общества в этой версии национального нарратива практически отрицались.

«Пророки гибели», «пессимисты» наиболее полно выразили свои взгляды в рамках «краковской школы» польской историографии. После поражения январского восстания 1863-64 гг. в условиях галицийской автономии, в рамках которой Австро-Венгерская империя предоставила наибольшие из всех других стран-участниц разделов возможности для развития польского национального движения, группа консервативно настроенных авторов выступила с идеей необходимости избавления от доминирования романтической версии польского прошлого в национальном сознании. Главная идея школы заключалась в том, что причины гибели Польши носили в первую очередь эндогенный, а не внешний характер. Принимаемая романтиками за демократию шляхетская анархия привела государство к гибели. Польша страдала от экономической отсталости, неразвитости городов, нерешенности крестьянского вопроса, военной беспомощности. К моменту разделов Речь Посполитая практически уже не представляла собой государства в точном смысле слова, будучи анархическим конгломератом магнатских владений, населенных эгоистичной шляхтой и равнодушными к судьбе страны в силу полной отстраненности от общественно-политической жизни крестьянством и мещанством. Поэтому разделы были закономерным, неизбежным и даже благотворным для польского общества актом. В условиях «долгого польского XIX века» идеи этой школы носили консервативный характер, призывая отказаться от романтической апологии повстанческой традиции и заняться мирной «органической» работой по развитию хозяйства, просвещения и политической жизни польских земель в условиях существующих политических возможностей.

Понятно, что конкретное историческое событие – разделы Польши второй половины XVIII в. – произошли в результате констелляции внутренних и внешних факторов, но по законам построения нарративов национальной исторической памяти полутона и нюансы устранились в пользу более одномерной черно-белой картины прошлого. В итоге в

польском национальном сознании и в политической жизни и до сего дня в тех или иных формах сосуществуют и противостоят образы романтического «прометеизма» и умеренного прагматизма.

Рецензируемая работа по характеру ответа на вопрос о причинах падения Речи Посполитой принадлежит к «краковской» традиции. Автор четко формулирует свою позицию: поведение того, кто упорно настаивает на том, что упадок Речи Посполитой является результатом внешнего вмешательства, напоминает поведение человека уронившего на землю фарфоровый сервиз и обвиняющего в том, что он разбился, не себя, а силу гравитации (S. 210). Это и подобные встречающиеся в книге положения привели к тому, что многие из польских рецензентов признали в авторе продолжателя традиции краковских консерваторов второй половины XIX в. и правых националистов рубежа XIX-XX вв. Однако тут же приходится делать оговорки, отмечая, что, если краковский исследователь и является их продолжателем, то продолжателем «еретическим». Это связано с тем, что его методологические подходы имеют отношение к левой, (пост)марксистской традиции. Просто сама проблематика польской национальной идеи долгое время была «эксклюзивной» для правого лагеря. В то же самое время применяемые Совой методологические подходы, напротив, традиционно имели «левую» окраску и применялись преимущественно для изучения проблем различных меньшинств, подчиненных групп и сопротивления культурной гегемонии.

Романтические идеи польской исключительности и всемирно-исторической миссии носили характер революционной утопии в период борьбы за независимость в XIX в. и антикоммунистического движения в XX в. Однако в независимой Польше они превратились скорее в консервативную идеологию. И наоборот, «краковские» подходы с их критическим потенциалом по отношению к романтической национальной апологетике из консервативных трансформировались в радикальные.

Методологические основания классической «краковской школы» проделали определенную эволюцию. В первом поколении исследователей, например у Валериана Калинки (1826–1886), это еще были категории греха и провиденциального воздаяния. В следующей же генерации, ярким представителем которой был Михаил Бобржинский (1849–1924), это уже были концепции позитивизма в духе Спенсера и Бокля, а также социал-дарвинизма. Что касается «неокраковской» концепции Яна Совы, то она основывается уже целиком на современных методологиях.

Первое, что отличает «Фантомное тело короля», это рассмотрение интересующей автора проблематики на длинной временной дистанции

– около трех столетий (XVI–XVIII вв.). Здесь автор исходит из теории времени «большой длительности» (*longue durée*) Фернана Броделя. Одной из главных идей автора является то, что причины, приведшие в итоге к разделам Речи Посполитой, вызревали долго, слабость и отсталость страны имели глубокие исторические корни.

Вторым важным методологическим основанием было использование автором идей «географического холизма», связанного с теорией «мир-системного анализа» Ф. Броделя и И. Валлерстайна, а также с достижениями мало, к сожалению, известной в России польской школы экономической истории, представленной такими исследователями мирового уровня, как Витольд Кула, Ежи Топольский, Мариан Маловист и др. Основное положение этого направления заключается в том, что никакие процессы, происходящие в отдельном обществе, государстве и т.д., нельзя понять без помещения его в более широкий контекст, позволяющий понять сложную систему взаимосвязей, в которую исследуемая единица была включена. Именно в периферийном положении Речи Посполитой (как и всего региона Центральной, Восточной и Южной Европы) в системе мирового капиталистического хозяйства усматривает автор причины слабости страны, приведшей ее к гибели в конце XVIII в.

Данное положение также представляется чрезвычайно актуальным для современного российского научно-образовательного контекста, в который в последнее время практически официально внедряется идея России как «государства-цивилизации», которая, будучи примененной к конкретно-историческим исследованиям в качестве методологического основания, может фатально сказаться на возможности понимания многих процессов российской истории, сущность которых может быть раскрыта только в широком европейском или мировом контекстах.

Еще одним важнейшим элементом теоретической конструкции автора является теория постколониализма. Ян Сова отмечает, что в реальности по большинству параметров экономической, политической и духовной жизни Речь Посполитая была более похожа на колониальную периферию Запада в Третьем мире, чем на Запад как таковой. Одновременно Речь Посполитая и позднее Польша (как и большинство обществ региона Центральной и Восточной Европы) описывала и осознала себя исключительно в системе координат западноевропейской цивилизации. Таким образом, в игру входят теории культурной гегемонии, зависимого развития и самоколонизации.

Особое внимание Я. Сова обращает на теорию самоколонизации современного болгарского историка Александра Киоссева, который отме-

чает, что для стран региона Центральной и Восточной Европы характерно самоопределение по отношению к Западу, к которому они чувствуют себя обязанными принадлежать при одновременном ясном осознании своих отличий от «нормы». Отсюда и возникают описания себя в категориях отсталости, недостатка, отсутствия... Так негативные категории, становятся ключевыми для самоопределения. Страны региона оказываются охвачены «постколониальным периферийным синдромом». Он проявляется, как пишет Сова, используя категории Витольда Гомбровича, в «трудных столкновениях с формой». В основе этих столкновений лежит трудность, или даже невозможность, «такого формирования самых общих рамок общественной жизни, которое, с одной стороны, позволило бы соответствовать требованиям эпохи..., а, с другой стороны, позволяло бы каким-то образом “выразить себя”. Современность, увиденная с периферии, представляется, с одной стороны, чрезвычайно ценной и привлекательной, а, с другой, видится чем-то чужим» (S. 31).

В случае Речи Посполитой категория «отсутствия» приобретает особенно актуальный характер, поскольку, с точки зрения автора, к моменту разделов уже на протяжении двух веков польского государства просто... не существовало. Окончание существования Речи Посполитой как «политического тела» Ян Сова датирует 1572-м годом, окончанием правления династии Ягеллонов со смертью последнего короля из этой династии – Зигмунда Августа. После этого Речь Посполитая стала «фантомным государством». И здесь возникает необходимость обращения к «политической теологии» Эрнста Канторовича и Клода Лефорта. Именно название известной книги Канторовича – «Два тела короля» – и легло в основу заглавия исследования Я. Совы, который отмечает, что после окончания правления Ягеллонов у последующих выборных королей было уже только физическое материальное брненное тело, но бессмертное символическое тело-воплощение королевства отсутствовало. Речь Посполитая была фантомом, которому в реальности соответствовал конгломерат мало связанных между собой магнатских владений, охваченный шляхетской анархией и ставший предметом политических игр и соперничества сопредельных держав. Все концепции мессианизма и всемирно-исторической миссии Польши, связанные со шляхетской идеологией сарматизма XVI-XVIII вв., обосновывавшей богоданность политического строя шляхетской демократии и богоизбранность страны, были, по мнению Совы, не более чем фантазмами, призванными скрыть от самих себя факт отсутствия объекта любви и заглушить «фантомные боли» утраченной Республики. Таким образом, разделы

были не уничтожением польского государства (его давно уже не существовало), а резким и болезненным столкновением с Реальным, жестоким нарушением уютного существования в мире проникнутых манией величия невротических фантазмов. Здесь автор обращается уже к идеям лакановского психоанализа в интерпретации С. Жижека.

Размышления над польским «национальным хабитусом» Сова завершает рассуждением о путях выхода из ситуации самоколонизации и зависимого развития. Какова оптимальная стратегия поведения стран Центральной и Восточной Европы в современном мире? «Выйти из игры», объявив себя носителями «особого пути» и «загадочной души»? Но это означает изоляцию и маргинализацию. Объявить свою локальность новой универсальностью, альтернативой мирового значения? Что касается Польши, то это оказывается однозначно невозможно, так как весь символический универсум культуры укоренен в западной культурной традиции и не может содержать в себе никакой развернутой позитивной альтернативы ей. Сова останавливает свой выбор на концепции Терри Иглтона, который подчеркивает, что из ситуации постколониального зависимого развития и самоидентификации можно выйти только путем гегелевского «снятия» оппозиции центр/периферия и помещения себя «по ту сторону» этой дихотомии. Практически это означает обнаружение и развитие в своей локальности того, что является универсальным, культивирование в своей традиции универсальных ценностей современного модернизированного мира.

Завершить мне хотелось бы одной цитатой Я. Совы: «Данная книга... является попыткой заполнить тот пробел, который в польской общественной мысли представляет собой отсутствие систематической и комплексной переинтерпретации польской социальной, культурной, хозяйственной и политической истории, или, говоря в целом - польского хабитуса – с использованием таких теоретических инструментов, как постколониальные исследования, теория зависимости, политическая теология, психоанализ, а также теория гегемонии» (S. 34). Остается только слово «польский» заменить на слово «российский».

БИБЛИОГРАФИЯ

Davies N. Heart of Europe. The Past in Poland's Present. Oxford, New York. Oxford Univ. Press, 2001.

Sowa, Jan. Fantomowe ciało króla. Pereferyjne zmagania z nowoczesną formą. Kraków. Universitas. 2011. 572 s.

Кареев Н. «Падение Польши» в исторической литературе. – СПб., 1888.

Васильев Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, зам. директора Российской академии наук, директор Института культурологии, vasal2006@yandex.ru